

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 316.74:82

<https://doi.org/10.29235/1561-8323-2021-65-5-636-640>

Поступило в редакцию 16.09.2021

Received 16.09.2021

Академик Е. М. Бабосов

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

**АНТИНОМИИ И ПАРАДОКСЫ ЖИЗНЕННЫХ СУДЕБ ГЕРОЕВ РОМАНОВ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Аннотация. Литературное наследие Ф. М. Достоевского представляет собой богатый исследовательский материал, в котором прослеживаются философский и социологический аспекты, выраженные в рассуждениях автора о бытии человека, его места в мире и обществе, их взаимодействии сквозь призму дихотомии. Неоднократно в творчестве Ф. М. Достоевского поднимаются такие насущные проблемы, как антиномия и парадокс (взаимопротивостояние и взаимопереплетение) чувств и бесчувствия, преклонения и презрения, любви и ненависти, красоты и безобразия, бунта и смирения, веры и безверия, которые создают в своем взаимодействии панораму парадоксальных жизненных судеб героев произведений. Лейтмотивом персонажей романов является возможность достойной, счастливой жизни в различных социальных реалиях.

Ключевые слова: Достоевский, дихотомия, антиномия, парадокс, противоречие

Для цитирования. Бабосов, Е. М. Антиномии и парадоксы жизненных судеб героев романов Ф. М. Достоевского / Е. М. Бабосов // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2021. – Т. 65, № 5. – С. 636–640. <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2021-65-5-636-640>

Academician Evgeny M. Babosov

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

**ANTINOMIES AND PARADOXES OF LIFE DESTINIES OF THE HEROES OF ROMANOV
F. M. DOSTOEVSKY**

Abstract. The literary heritage of F. M. Dostoevsky is a rich research material that traces the philosophical and sociological aspect, expressed in the author's reasoning about the existence of man, his place in the world and society, their interaction through the prism of dichotomy. F.M. Dostoevsky known as a deep and paradoxical thinker. In his works, he asked philosophical questions about man, the relationship between rational and unreasonable principles, his place in the world and society. Dostoevsky F. M. worried about the moral greatness of man and his extreme forms, criticism of social violence and utopian attempts to improve and make people and society happy. The leitmotif of the characters in the novels is the possibility of a dignified, happy life in various social realities.

Keywords: Dostoevsky, dichotomy, antinomy, paradox, contradiction

For citation. Babosov E. M. Antinomies and paradoxes of life destinies of the heroes of romanov F. M. Dostoevsky. *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi = Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 636–640 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2021-65-5-636-640>

В 2021 г. во всем мире отмечается 200-летие Фёдора Михайловича Достоевского – великого русского писателя, уникального мыслителя и религиозного философа. Его бесценное художественное и философское наследие привлекает внимание интеллектуалов во всем мире, изучается школьниками и студентами, неизменно вызывает неподдельный интерес у многочисленных читателей и поклонников его творчества.

Ф. М. Достоевский по праву известен во всем мире не только как гениальный писатель, но и как глубокий и парадоксальный мыслитель. С помощью художественных средств он ставил и рассматривал в своих произведениях сложнейшие философские вопросы о человеке, его месте в мире и обществе, соотношении в нем разумного и неразумного начал, нравственном величии свободы человека и опасностях ее крайних форм, критике социального насилия и утопических попыток усовершенствовать и осчастливить человека и общество. Не случайно Ф. М. Достоевский считается одним из наиболее оригинальных и влиятельных мыслителей в самобытной традиции русской религиозной философской мысли. К его творчеству обращались и высоко ценили крупнейшие мыслители XX в., среди которых З. Фрейд, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин и Р. Жирар.

Вся жизнь человека соткана из противоречий. Отчетливо понимая это, гениальный писатель Ф. М. Достоевский воплощает такое понимание в образы и судьбы героев своих произведений, ставит их на грань неправдоподобия или за грань правдоподобия. Тем самым открываются широкие горизонты художественного раскрытия дихотомических и парадоксалистских коллизий в жизненных судьбах изображаемых в романах персонажей.

Уже в «Бедных людях» явно просвечивается тема «двойничества» – тема своеобразной, укорененной и персонифицированной в человеческой личности борьбы добра и зла, тема двух «я», из которых второе глубоко запрятано и его пробуждение способно привести как к трагическому падению в бездну преступлений, так и к взлету на вершины нравственного самоочищения и обновления, духовного спасения. Возьмем ли мы «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых» – везде сквозь жизненные судьбы и коллизии густонаселенных романов и повестей проходит эта драматическая, порой трагическая, обрывающаяся смертью героя тема «двойничества». Эта дихотомическая раздвоенность личности в гнусных обстоятельствах ее бесчеловечного бытия с его насмешками, унижениями, оскорблениями, подавлениями оборачивается индивидуализмом, суть которого, страшная и бесчеловечная сама по себе, становится еще ужаснее от ее жестокой повседневности, прекрасно выведенной в «Бедных людях». В этом романе с потрясающей глубиной изображена картина такой действительности, выталкивающей «маленьких» бедных людей из нормальной жизненной колеи.

В романе «Преступление и наказание» возникает разительный парадокс – проблема соотношения «Наполеона» и «твари дрожащей». Один и тот же человек наделяется обоими противоположными качествами.

Выражая свою позицию, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» со всей определенностью подчеркнул: «Я утверждаю, что сознание своего бессилия помочь, или принести хоть какую-нибудь пользу, или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, – может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» [1, т. 24, с. 224]. Быть для него гуманистом – значит, любить другого человека, в первую очередь страдающего. Но любовь в его истолковании всегда страдание и мука. Наиболее характерна в данном случае жизненная судьба Родиона Раскольникова. Он переживает наказание, еще не успев совершить преступление. Отчетливо осознавая, что убийство старухи-процентщицы неизбежно приведет его к наказанию, он все-таки убивает свою жертву. Его человеческая сущность восстает против того, чтобы совершить преступление, но к преступлению его подталкивают не только безысходная нищета, но и темные силы, коренящиеся в его человеческой сущности. Разоблачая мерзкие силы, дремлющие в человеке, Достоевский болеет за его жизнь и рисует в эпилоге романа как в глазах Раскольникова и последовавшей за ним на каторгу любимой им Сони Мармеладовой, вытолкнутой пьяницей отцом на панель, «засветилось бесконечное счастье, в них уже сияла заря обновленного будущего... их воскресила любовь» [1, т. 6, с. 421].

В художественном полотне данного романа высвечивается еще одна грань парадоксальности жизненных позиций его героев: сталкиваются и взаимопереплетаются друг с другом в одном и том же человеке добродетель и греховность. Продажная женщина Соня совершает грех, когда отдается мужчинам за деньги, но она же выступает как добродетельная святая, когда отдает последние копейки детям, с которыми живет в одной семье. А шлюха Лизавета, будучи «поминут-

но беременна», никому не отказывая в любовных утехх «за так», поступает как святая, возлюбив каждого «как саму себя».

Известный историк Т. А. Касаткина вполне обоснованно утверждает, что в образе Лизаветы предстает «совсем иной, чем привычный тип святой, вовсе ничего не хранящей для себя – и для Бога – и все отдающей тем, кто вокруг, всё без остатка... И жизнь свою Лизавета отдает как милость... Раскольников приходит убить старуху, но Лизавета приходит, чтобы быть убитой Раскольниковым» [2, с. 189].

И жизненные судьбы у охарактеризованных двух женских персонажей романа дихотомически противоположны: Лизавета становится жертвой убийства, а Соня своей безграничной любовью возрождает лучшие человеческие качества в убийце – Раскольникове.

В существенно ином ракурсе разворачивается панорама чувств, мыслей, стремлений и поступков очень разных людей в их взаимодействиях, в которых любовь и ненависть, преклонение и презрение, человеколюбие и человекоуничтожение сплетаются в потрясающий воображение читателя клубок противоречий в романе «Идиот». В этом романе Ф. М. Достоевский воплощает идею – изобразить «вполне прекрасного человека». Но, отталкиваясь от принципов реализма, автор погружает главного героя этого романа князя Льва Мышкина в противоречивую двойственность. Л. Мышкин изображен как носитель искренности, кротости и глубокой жертвенной любви к людям. Но любовь эта выражается в парадоксальном столкновении двух противоположных начал в нем самом. Он любит одновременно и Настасью Филипповну, и Аглаю. Его любовь – раздвоенная, бесплотная, больная, безысходно-трагическая. Он любит Настасью Филипповну жалостью, беспредельным состраданием, но одновременно он любит и Аглаю, но совершенно другою, не имеющей ни капли сладострастия и рыцарски-преклоненческой любовью. Когда на вопрос своего собеседника Евгения Павловича «Стало быть, обеих хотите любить?» князь Мышкин восторженно восклицает «О, да, да!». На это восклицание собеседник замечает «Знаете ли, что бедный мой князь: вернее всего, что Вы ни ту, ни другую никогда не любите!». Потрясенный таким выводом князь сокрушенно выговаривает: «вернее всего, что я во всем виноват» [1, т. 9, с. 484]. Такое признание совершенно не соответствует внутреннему самоощущению князя, но абсолютно соответствует характеру его повседневного поведения как беспредельно честного, доверчивого и больного в физическом и психическом смысле человека.

Отвергаемый ближайшим социальным окружением – людьми, в большинстве своем являющимися олицетворением «самой наглой, самодовольной пошлой и гадкой ординарности», узревшей в князе Л. Мышкине «идиота», этот непонятый и осмеиваемый недалекими людьми человек не может ненавидеть, но не может не любить, любить без эгоизма, любить не для удовлетворения себя, а для того, кого он любит. Главный герой романа «Идиот» оказывается человеком с чистыми помыслами, наивной верой в добро и любовь и трагически переживающим царящие вокруг лицемерие и жестокость, хамство и предательство. Основной смысл этого романа – убежденность в том, что не больной, а действительный разум требует от человека чуткости к чужой беде, кротости, искренности и настоящей, способной на жертвенность любви к близким. В этом проявляется проблеск надежды, которая просвечивается у человека сквозь трагическую бесчеловечность обывательских сплетен и пересудов.

Многие читатели (и даже некоторые исследователи) считают удивительным парадоксом тот факт, что в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевский, по его собственному признанию, стремился в каждом из отбывающих каторгу в остроге «откопать человека», выявить ценность и неповторимость его человеческой индивидуальности, которую не смогли уничтожить жестокость и обезличивающее влияние каторги [1, т. 4, с. 290]. Это высказывание убеждает, что гениальный писатель не мог понять и истолковать человека, даже если он преступник, злодей, не выявив его отношения не только к ближайшему окружению своих товарищей по несчастью, но отношения его к народу, к родной земле, к будущему и влекущему его стремлению к социальному надындивидуальному идеалу. И с какой надеждой звучат слова отбывшего свой срок каторжника, когда он покидает острог: «Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых... Экая славная минута!» [1, т. 4, с. 239]. Кто может сказать, что это не жизненный парадокс, верно угаданный и эксплицированный гениальным писателем?!

В совершенно иной тональности проблема антиномии и парадоксов представлена в романе «Подросток». В нем Ф. М. Достоевский пишет: «У этого Версилова была подлейшая замашка... сказав (когда нельзя было иначе) настолько преумных и прекрасных вещей, вдруг кончить нарочно какою-нибудь глупостью». Одно из парадоксальных суждений этого главного героя романа заключается в выдвигании им суждения о том, что в достижении социального равенства «при уравнивании прав происходит понижение чести, а стало быть, и долга... все распадалось на свободу лиц... и полученную свободу свою переставали отстаивать» [1, т. 13, с. 109, 177]. Версилов предстает на страницах романа как в высшей степени эгоист, для которого ложь оказывается путем к правде, понимаемой и истолковываемой им совершенно извращенно, т. е. как неправда. Называя себя представителем высшего социального слоя (в действиях и словах Версилова всегда присутствует «пьедестал»), он с надменностью и высокомерием относится к другим людям. Цинизм становится основным способом его существования, поскольку в его мироощущении присутствует множество различных «Я», которые он может представлять окружающим в зависимости от складывающихся обстоятельств. Он претендует на абсолютную ценность своего «Я» и проповедует относительную ценность любого другого «Я», кроме собственного. Здесь-то и проявляется сущность «двойника», допускающего возможность дурного в его сцеплении с возможностью доброго, притом в одно и то же время, бесчеловечность, порождающие постоянно один злодейский парадокс за другим, жизненная судьба Н. Ставрогина завершается парадоксальным падением в бездну отторгающегося от всего живого и жизненного парадоксального ухода из жизни в смерть.

И все-таки и в данном романе Ф. М. Достоевского просвечивается, пусть и неявно выраженный, путь надежды, воплощающийся в свете любви друг к другу людей, собравшихся вокруг умирающего Степана Трофимовича Верховенского, и траурного достоинства слуг повесившегося Николая Ставрогина.

Последний роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», являющийся вершиной художественно-философского творчества писателя, сверх всяких пределов насыщен взаимопротивоположением и взаимопереплетением чувств и бесчувствия, преклонения и презрения, любви и ненависти, красоты и безобразия, бунта и смирения, веры и безверия, создающих в своем взаимодействии впечатляющую панораму парадоксальных жизненных судеб его персонажей. Ярчайший и ужаснейший из таких парадоксов проявляется в «Легенде о великом инквизиторе», в которой Иван Карамазов рассказывает своему брату Алеше о том, как восьмилетний мальчик случайно зашиб камнем ногу любимой собаки крупного помещика, генерала, и тот, рассвирепев, направляет на ребенка стаю борзых собак, растерзавших его в клочья, на глазах матери, а она «обнимается с мучителем, растерзавшим сына её». Вот здесь-то и произносится знаменитая фраза о том, что никакая истина «не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка» [1, т. 14, с. 223]. Когда Иван после рассказа данного сюжета обращается к брату с вопросом, что же делать с мучителем, Алеша «послушник божеский» и проповедник христианского смирения и любви к ближнему отвечает: «Расстрелять».

В совершенно противоположном смысле раскрывается в романе сущность парадокса, сотрясающего душу и сердце Мити Карамазова, осужденного на каторжные работы «за убийство отца», которого он не убивал. Митя в глубоком волнении говорит Алеше: «Брат, я в себе в эти два последних месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек». Я, продолжает он, с большой готовностью пойду на каторгу. «За всех и пойду потому, что надо кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю... О да, мы будем в цепях, и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог дает радость, это его привилегия, великая... Каторжному без Бога быть невозможно, невозможнее даже, чем некторжному!» [1, т. 15, с. 30–31].

Значительные элементы парадоксальности отчетливо звучат в последней сцене романа «Братья Карамазовы», описывающей похороны трагически умершего мальчика Илюшеньки, вокруг гробика которого сгрудились некогда враждовавшие между собой его школьные товарищи, объединенные увещеваниями правдивца и носителя христианских ценностей Алеши Кара-

мазова. Все присутствующие потрясены глубоким горем, кругом слезы, причитания, идущие из глубины сердца, трудно переносимый траур. Это отчетливее других воспринимает Алеша. Обращаясь к обступившим его мальчикам, школьным друзьям Илюшеньки, Алексей говорит: «Помните всегда эту минуту, когда вы плакали. Это на всю жизнь останется... вот эту минуту чистых слез всегда помнить будете, ...они-то и спасают, они всегда спасают» [1, т. 15, с. 371]. Однако этими словами прощальная речь не завершается. В парадоксальном взаимопереплетении с данными словами появляется твердо выраженная надежда на лучшее будущее детей. Вот его проникновенные суждения: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома... Вам много говорят про воспитание Ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное воспоминание, сохраненное с детства, может быть самое лучшее воспоминание и есть, если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь» [1, т. 15, с. 195]. Продолжая разговаривать с детьми, Алеша восклицает: «Ну пойдете же! Вот мы теперь и идем рука в руку. И вечно так, всю жизнь рука в руку» [1, т. 15, с. 197]. В этом знаменитом призыве «всю жизнь рука в руку» фактически сформулирован завет Ф. М. Достоевского не только детям своих современников, но и детям последующих поколений соотечественников.

Проникая своим взором и мыслью в таинственные бездны человеческой души, в парадоксальном взаимопереплетении сталкиваются, порой переходя друг в друга, сознательное и бессознательное, абсолютная единственность и столь же абсолютная неповторяемость, свобода и раболепие, духовность и телесность, демоническое и божественное. Ф. М. Достоевский был убежден и страстно убеждал других, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить достойно в различных, даже самых тяжелых обстоятельствах. Его умом и сердцем, его творческим вдохновением владели проблемы смысла жизни человека, его страсти и долга, добра и зла, свободы и ответственности, веры и безверия.

Список использованных источников

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1972–1988.
2. Касаткина, Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т. А. Касаткина. – М., 1996. – 336 с.

References

1. Dostoevsky F. M. *Complete works: in 30 vol.* Leningrad, 1972–1988 (in Russian).
2. Kasatkina T. A. *The characterology of Dostoevsky. Typology of emotional and value orientations.* Moscow, 1996. 336 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бабосов Евгений Михайлович – академик, д-р философ. наук, профессор, гл. науч. сотрудник. Институт социологии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1/2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: babosov@yandex.ru.

Information about the author

Babosov Evgeny M. – Academician, D. Sc. (Philosophy), Professor, Chief researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganov Str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: babosov@yandex.ru.